

ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗВОДА

Документальная хроника

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/1/bo14.html>

Семейная жизнь знаменитых людей далеко не всегда является общеинтересной. То есть, конечно, праздного читателя, по тем или иным причинам проявившего внимание к той или иной личности, она интересует почти всегда, поскольку служит основой для сопоставления со своей собственной. Но в поле зрения специалистов она попадает гораздо реже. Классические примеры не раз осуществленных анализов — семейные драмы Герцена и Блока или менее известные случаи Ахматовой—Гумилева, Розанова, Заболоцкого. Однако бывает и так, что на долгие годы обстоятельства, омрачающие жизнь известных людей, остаются малоизученными, хотя для них они были чрезвычайно важны. Одна из таких историй — жизнь Вячеслава Иванова с его второй женой, Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал.

Нельзя сказать, чтобы ее обстоятельства совсем остались в тени исследовательского внимания. Так или иначе ее были вынуждены упоминать все, кто сколько-нибудь развернуто писал о биографии Иванова. Однако поскольку изучение этой биографии фактически находится только в самом начале, и тут известно чрезвычайно мало. Так, кажется, почти никто не писал о том, что с перипетиями этой истории в немалой степени оказался связан отказ Иванова от научной карьеры: как раз в тот момент, когда он должен был подвергаться испытаниям в Берлинском университете, а следом за этим защищать диссертацию, которая уже была написана, он оказался вынужден покинуть своих университетских наставников, да и сам город, чтобы жить вместе с новой семьей (еще неофициальной) в Париже, а далее, следуя как своим собственным, так и жены опасениям, скитаться по Европе, часто оказываясь вдалеке от библиотек, без которых занятия становились невозможными. Известный пассаж в “Автобиографическом письме” Иванова к С. А. Венгерову¹, лишь отчасти объясняет положение дел. Да и вообще вся его жизнь 1895—1899 годов в очень значительной степени проходит под знаком постоянного напряжения как раз в той сфере, где, казалось бы, человек должен чувствовать себя неколебимо уверенным. Очень подробно об этом читатель сможет узнать из находящейся в печати переписки Иванова с Зиновьевой-Аннибал², но не менее важна и предыстория, о которой мы предполагаем рассказать здесь.

Конечно, Иванов и сам был виноват в данной истории, отчетливо вину осознавал и старался минимизировать принесенный вред. Оставив первую жену с маленькой дочкой без средств к существованию, на попечение бывшей тещи, он взял на себя вину в измене, жена легко получила развод, но сам он отныне был не вправе вступить в новый брак. Как и какими совершенно незаконными способами он обходил это запрещение, также рассказано в переписке супругов и комментариях к ней. Но не только ему приходилось предпринимать различные действия, но и его новой жене. Именно о ее семейной жизни пойдет у нас разговор.

Удивительно, как мало знаем мы о жизни этой незаурядной женщины. Даже дата ее рождения доподлинно неизвестна. То есть день и месяц мы знаем наверняка — 6 октября, но вот год довольно-таки неопределен. В разных источниках встречается и 1865-й, и 1866-й, и 1867 год. Так, в письме к детям, помеченном только 1894 годом, она говорит, что ей 28 лет, — и тут же прямо утверждает:

“Я родилась в 1867 году”, чего, как нетрудно понять, быть никак не могло: если письмо было написано до дня рождения, то годом рождения она перифрастически называет 1865-й, если после — то 1866-й. В дневнике 1907 года (хранится в Римском архиве Вяч. Иванова) в день своего рождения она утверждает, что ей исполняется сорок два. И будущий ее первый муж 6 октября 1886 года поздравляет ее с днем не только рождения, но и совершеннолетия, которое по тогдашним законам наступало в 21 год. Так что, кажется, все сходится на том, что она была на год старше обычно называемого возраста. Впрочем, вероятно, это не столь уж принципиально, и будет довольно ограничиться словами Иванова, описывавшего первую встречу: “Ей, кажется, еще нет 30 лет”.³

Подробную ее биографию писать мы не готовы. Обычно для понимания ранней жизни Лиды Зиновьевой (так ее звали в детстве) используются ее написанные уже незадолго до смерти рассказы. Конечно, автобиографический элемент в них есть, но он совершенно явно идеализирован. Будущему исследователю предстоит внимательно изучить ее сохранившиеся письма к родителям, чтобы извлечь из них более адекватную картину. Для нас же довольно указания на более или менее существенные для нашей темы факторы. В том письме к детям, на которое мы уже ссылались, она рассказывала: “...когда мне только что минуло 18 лет, я влюбилась наивною детскою влюбчивостью в офицера, недурного, неглупого, но пустого человека, который очень ухаживал за мною. Но весною я захворала корью, и болезнь внезапно открыла уму и сердцу новые горизонты. <...> Я стала рваться на работу, на курсы, но мать моя воспротивилась <...> Отчаявшись получить свободу добровольно, я сговорила с гувернером братом <так!> действовать насильем. Выдумав себе какую-то сухую, теоретичную любовь к нему, я решила выйти замуж фиктивно за его товарища и бежать с ним за границу. <...> Но помощник и

сообщник

мой не только не оказался способным пробудить во мне сильного чувства к себе, но и сам настолько мало дорожил и мною и нашим общим делом, что затянул развязку слишком <на>долго. Все намерения мои были открыты, и меня, покрывая незаслуженным позором, оскорбляя морем пошлости, столь чуждым моей гордой и девственной души <так!>, перехватили, окружили домашним конвоем и, в буквальном смысле пленницей, повезли в Крым. Моего сообщника пытались сослать административно, чем, конечно, повредили и мне в глазах полиции”⁴ В марте 1885 года, уже после всей этой истории, ей писал увещательное письмо почтенный философ К. Д. Кавелин⁵,

—
и здесь мы уже вступаем на более или менее твердую почву фактов.

Согласно семейной легенде, “когда Лидии исполнилось лет 17 6, ей пригласили в учителя молодого <...> историка Константина Семеновича Шварсалона. <...> На ее вопрос об его отношении к миру он ей объяснил, что у него мировоззрение „альтруистическое“. Слово альтруизм он употреблял эвфемистически вместо опасного слова „социализм“, которое могло бы его скомпрометировать в аристократической среде <...> он не упускал случая помянуть каких-то своих именитых французских предков” (I, 20—21). Однако по названным материалам становится ясным, что ни в 17, ни в 18 лет со своим будущим мужем она даже не была знакома. Первые достоверные свидетельства о занятиях с К. С. Шварсалоном относятся к весне 1886 года.⁷ В сентябре того же 1886 года Шварсалон просил руки Зиновьевой-Аннибал и получил согласие, о чем писал ее отцу, уже и тогда жившему в Женеве: “Ваша дочь сделала мне честь, приняв мое предложение — быть другом ее, и согласившись выйти со мной в жизнь, на которую она смотрит строго и серьезно, как на поприще труда и любви на пользу родного народа”⁸ Свадьба состоялась в ноябре, о чем Шварсалон сообщал ему же 19 ноября: “Вероятно, Софья Александровна подробно писала Вам о свадьбе нашей, как прекрасно служил духовник ее и Лиды, отец Колоколов (церкви Георгиевской Общины; а венчали нас в домово́й церкви Коммерч<еского> Училища). Все вынесли от его чудной службы впечатление поистине торжественного и вдохновенного настроения”⁹

Константин Семенович Шварсалон (“из Евреев”, как отметит Иванов), сын унтер-офицера, был старше своей ученицы на 8 или 9 лет (родился в 1857 году), окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1880 году, в 1881-м стал кандидатом¹⁰ и служил преподавателем истории в училище Св. Елены. Среди прочих мест его службы — Павловский институт, женские гимназии Оболенской, Гедда и Таганцевой, Псковская мужская гимназия¹¹. К 1917 году он был статским советником. Дата его смерти нам неизвестна, хотя можно предположить, что он умер между 1918-

В конце 1880-х и начале 1890-х годов он был вполне заметной величиной в кругу молодых тогда историков, писал диссертацию, работал для этого в Италии. Кое-какие его статьи обнаруживаются в журналах того времени.¹³

О без малого семи годах семейной жизни Шварсалонов мы знаем немного. Однако, кажется, и этого довольно, чтобы опровергнуть еще одну семейную легенду. “Мама была яркой социалисткой <...> Мама наняла нарочито бедную, неотопливаемую квартиру (принципиальный вызов буржуазии!), присоединилась к партии эсеров (она жалела и любила крестьян) и стала в своем доме устраивать тайные политические сходки. <...> Встреча с моим отцом отвела маму от ее замыслов прямого участия в политической жизни”.¹⁴ “Сразу после свадьбы Лидия, во исполнение поучений мужа в прошлом и к его ужасу в настоящем, примкнула к социал-революционерам и завела у себя конспиративную квартиру. <...> В Петербурге Лидия Дмитриевна сразу затосковала в своем сером, заваленном пыльной, нелегальной литературой жилище. <...> Сделает ли она кому-нибудь добро своей подпольной типографией — это еще большой вопрос <...> Лидия Дмитриевна <...> повесила у себя в комнате рядом с портретами революционных вождей большую фотографию Венеры Милосской. Фанатические подпольщики, с нею работавшие, сочли такой поступок неприличным вызовом, революцией против революции” (I, 21—22).

Никаких положительных сведений о революционаризме молодой женщины семейная переписка не дает. Скорее наоборот. Вот, например, как описывает К. С. Шварсалон жизнь начала 1893 года: “Теперь у нас взята лишняя прислуга и Лидя имеет возможность отдохнуть. Хозяйство наше так устроилось, что кроме удовольствия и спокойствия — иметь свое прекрасное молоко, теперь свои яйца, — и некоторой, пожалуй, выгоды при этом, ничего другого это хозяйство не причиняет. Держать одну корову, как Вы знаете, неудобно: останешься как раз без молока; а от двух его слишком много и поневоле приходится продавать. <...> Недавно присылал, по совету и рекомендации врача, просить давать ему молока — Ваш любимый писатель, Лесков. У него печень не в порядке и прописано молочное питание, а доставать в Петербурге добросовестного молока мудреное дело: если не подливают, то корм коров нездоровый. К сожалению, у нас не нашлось более для Лескова. <...> За коровами и курами ходит у нас Дуня, девушка с Устья, премилая, ласковая и скромная <...>

У Лидюши будет летом кто-нибудь гостить; кроме того, невдалеке думает поселиться мой товарищ — Яковлев с семьей, очень серьезный и почтенный господин”.¹⁵

Из этого письма, как и из ряда других, можно себе представить, что усилия Зиновьевой-Аннибал были направлены в первую очередь на то, чтобы жить

самой и приучать детей к естественной жизни и физическому труду, возможно даже, что к некоторому опрощению. Но от этого еще очень далеко до участия в революционном движении. К тому же следует отметить, что никакой партии эсеров во второй половине 1880-х и в начале 1890-х годов не существовало, она стала формироваться лишь в середине 1890-х, когда Зиновьева-Аннибал практически не бывала в России.¹⁶ Это ставит под сомнение рассказы и про конспиративную квартиру, а тем более про подпольную типографию. К тому же при такой степени привязанности к полуподпольной деятельности странным выглядит постоянное отсутствие в городе и обращенные к самым различным людям приглашения погостить длительное время.

Вряд ли возможно отрицать, что в конце 1880-х и начале 1890-х годов К. Шварсалон и его жена находились под влиянием некоторого обаяния “вольности”, особенно по сравнению с традиционными веяниями Министерства народного просвещения. В архиве сохранился любопытный документ — памятная записка Шварсалона “Любопытные факты к истории моего отчисления от Мин<истерства> Нар<одного> Пр<освещения>”, где рассказывается о том, как “получил я от Департ<амента> Мин<истерства> Нар<одного> Пр<освещения> уведомление в 4 строчки — точнее: ответ на мой запрос из Флор<енции> — в Апр<еле> 1890 г. о том, что я „приказом г. Мин<истра> (Дел<янова>) от 4 мая 1889 г. отчислен от Мин<истерст>ва“ <...> Еще до получения этого уведомления от Департ<амента>, виделся я в том же Апреле <18>90 г., во Флоренции, с кн. Волк<онским>, Товар<ищем> Мин<истра> Нар<одного> Пр<освещения>; передал ему записку с подробным изложением обстоятельств нашего житья в Берне зимой 1888/89 г. (с конца Сент<ября> по конец Февр<аля> нов. ст.)”.¹⁷ Из этого документа следует, что по доносу из Швейцарии на основании представления Департамента Государственной полиции Шварсалон потерял возможность служить в казенных гимназиях. Выясняя в 1891 году отношения непосредственно с директором Департамента известным П. Н. Дурново, Шварсалон узнал, в чем его обвиняли. “„Надв<орный> Сов<етник> К. С. Шв<арсалон>, проживая в Женеве зимой <18>88/89 гг., вступил в сношение с жившими там Русск<ими>, был выбран старшиной в читальне и участвовал в *совещаниях*, происходивших в этой чит<альне>, по революционн<ым> делам. Еще более деятельное участие принимала в революц<ионной> пропаганде жена его, Лид<ия> Дм<итриевна>, находившаяся в постоянн<ых> сношениях и до сих пор не прекращ<ающая> сношений и поддержки некот<орых> рус<ских> эмигр<антов>“. <К сожалению, дословно не могу передать, что прочитал мне Д<урново>, но за точный смысл слов ручаюсь”.¹⁸ Существенна для нас и суть его оправдания: “...в Женеве мы никогда не только не жили за все время пребывания за границей, но даже ни разу не останавливались, а проезжали прямо к моему тестю, в 40 мин. от Женевы, на его виллу (Aïre). Кроме того я указал Д<урново> на ложность обвинений и против меня, так к<a>к в

Бернск<ой> читальне никогда и ни разу в мою бытность в ней членом и одним из трех заведующих не было совещаний о революц<ионных> вопросах. Нечего прибавлять, что я никогда бы не согласился не только в общих собраниях, но даже с отдельными членами, один на один, говорить о политич<еских> взглядах, да и не с кем было в Берне говорить об этом. Что касается до обвинен<ий>, взведенных на мою жену, то *решиительно все*, что про нее сказано, *ложь*, так как жена никаких сношений, кроме занятий в Универс<итете> (анатомией), ни с кем из Рус<ских>, живущих в Берне и незнакомых, — не имела. Из учащих там бывали, правда, у нас, в доме неск<олько> девиц, как знакомых, семейное и обществ<енное> положение кот<орых> нам было хорошо известно и с которыми мы или раньше встречались в П<етербур>ге или могли встретиться, по возвращении; ни с какими эмигрант<ами> или революц<ионерами> никаких сношений ни у жены ни у меня не было”.¹⁹

Можно, конечно, не поверить всячески желавшему оправдаться Шварсалону, но, кажется, дальнейшая его судьба свидетельствует о том, что после проверки донесения Дурново направил в Министерство просвещения отношение, дезавуирующее прежнее. Во всяком случае, в дальнейшем службе его ничто не препятствовало.

Стоит, вероятно, отметить, что, судя по всему, в семье жены его не очень любили. В архиве сохранилась копия завещания Зиновьевой — там его имя не упоминается вовсе. Конечно, это может быть объяснено, что завещание составлялось уже после разъезда Л. Д. с мужем (2 марта 1894 года), но трудно понять, почему то же самое относится и к составленной 23 марта 1891 года, а после подтвержденной 10 декабря 1892 года бумаге, в начале которой стоит фраза: “Мои желания, выраженные здесь, исполнятся детьми моими по смерти моей”. Это своего рода дополнение к завещанию, где даются распоряжения относительно мелкого имущества, долженствующего быть разделенным между родными и близкими, а также пожелания и наставления им на будущее. Муж покойной дочери Ольги, Ф. И. Блок, там прямо называется сыном; невестка, жена сына, — “моя Лиза” (хотя отношения были не благостными), а Шварсалон не упомянут нигде и никак.²⁰ Мы не можем быть вполне уверенными, но не исключаем, что поводом для этого было просматривающееся в некоторых письмах Константина Семеновича к тестю желание каким бы то ни было образом внедриться в сулящее большие перспективы семейное дело Зиновьевых. Шварсалон был очень корректен и осторожен, но все-таки такое желание можно почувствовать. Явной была и другая сторона — желание держать Л. Д. вдали от семьи. Так, ее мать писала отцу: “...теперь, когда нет около нее недобросовестного Г-на Шварсалона, всегда старавшегося вредить семье в ее глазах, она в хороших и ласковых отношениях с братом и Лизой”.²¹

И вот в эту довольно спокойную, хотя бы внешне, и вполне обеспеченную жизнь вторгается событие, ее решительно повернувшее. В письмах к тестю Шварсалон несколько раз упоминает о находящейся под их опекой жене коллеги. Подробнее всего рассказано об этом в письме от 10/22 марта 1893 года: “Трудное дело — бороться с натурой вообще, а с исключительной натурой — тем более. У Лидии же, несомненно, натура незаурядная. Она не из тех людей, которые могут быть счастливы при исполнении условий, необходимых для человеческого так называемого счастья. Для Лидюши всегда остается или найдется *нечто*, что будет ее тревожить, волновать, мучить, лишать покоя, утомлять, бесить, наконец. <...> Вы лучше, чем кто-нибудь, понимаете характер Лидюши и потому знаете, что она просто не в силах сдержаться себя в пределах семейного эгоизма и оставаться равнодушной к несчастьям, затруднениям всякого рода людей близких и даже неблизких. <...> Конечно, тяжелая болезнь нашей знакомой, — жены моего товарища, молодого ученого, доставила нам немало горя; но зато подумайте, какое счастье испытываем мы теперь при одной надежде, недавно появившейся, что эта больная будет спасена после 2 с лишком месяцев ужасной болезни. Если бы Вы, дорогой Дмитрий Васильевич, видели эту бедную молодую чету (у мужа, по-видимому, тоже мало надежды на прочное здоровье), то — я уверен, Вы сделали бы все, что от Вас зависит, чтобы помочь им”²² В письмах Л. Д. мелькают инициалы этой женщины: Н. П. В., а из письма Иванова к первой жене выясняется и ее подлинная фамилия. Рассказывая ей про Шварсалона, Иванов писал 12 июля (нового стиля) 1894 года: “Он вступил в связь с женою бедного Вульффиуса. Этим объясняется то обстоятельство, что этот последний, не подозревая о неверности своей жены, пользовался с семьей денежной помощью Шварсалонов (т. е., собственно говоря, жены Шварсалона). По смерти Вульффиуса Шварсалон поселил вдову (свою любовницу) вместе со своей женой, а сам уехал за границу, куда затем пытался выписать вдову Вульффиуса. Дело обнаружилось, г-жа Шварсалон была в экстазе, хотела убить себя, мужа, детей и пр.”²³

По семейному преданию, передаваемому О. Дешарт, это вряд ли могло произойти позднее 1892 года: “...она возмутилась, забрала детей и уехала за границу. Она надеялась, что путешествие по знакомым любимым местам Швейцарии и Италии придаст ей новые силы <...> Лето 1893 г. Лидия с детьми проводила во Флоренции” (I, 21). На самом деле лето 1893 года Зиновьева-Аннибал проводила в Петербурге и на Карельском перешейке, а в Италии был ее муж. Именно тогда и вскрылась вся история. Еще в июне Л. Д. писала отцу явно про нее: “...у меня еще взята 5-тимесячная дочка нашей несчастной знакомой, которая все еще больна в больнице. С нею и кормилица ее”²⁴, 7 июля (старого стиля) получает ответ на свои хлопоты о Вульффиус²⁵; в середине июля (по старому стилю — в конце) Шварсалон спокойно пишет тестю из Италии, а уже 3 августа (старого стиля) — из финского имения, незадолго до того

приобретенного: “Письма, полученные мною в Генуе от Лиди, были такого содержания, так неожиданны и вследствие моего переезда из города в город за последнюю неделю так залежались на почте в ожидании меня, что мне представилась решительная необходимость немедленно ехать прямо в Петербург. Вы знаете, как можно встревожиться из-за писем, когда вдали от семьи и зная Лидюшу, ее темперамент и непрактичность. Хуже всего то, что ничего определенного в письмах не было, а между тем ясно было, что Лидя ждет меня немедленно. Можно было подумать, что из-за каких-нибудь 50 или 70 р. предстоит продажа с аукциона всей усадьбы или опасность попасть в тюрьму. А на Тверской, в городском доме, из-за недостатка в устройстве коровника — именно не было второго пола и стока для воды, санитарная комиссия <так!> грозила тоже чем-то ужасным. И все это к определенному сроку надо было исполнить, с записью в книгу и т. д.²⁶ Кроме того, Лидя имела большие нравственные огорчения из-за своего доверия к людям и бесконечной любви к каждому. Противно говорить об этом”.²⁷ Вполне мирную приписку к этому письму сделала и Л. Д. Но несколько позже, 16 сентября, она все-таки поставила отца в известность о том, что между ними произошло: “Дорогой Папочка, приходится сообщить тебе печальную весть о себе, которую до сих пор умалчивала из желания побережь тебя. Дело в том, что я разошлась с мужем и теперь хлопочу о выдаче мне отдельного вида на жительство и права самостоятельно воспитывать своих детей. Не стану объяснять тебе подробностей дела, чтобы не волновать напрасно тебя и себя. Суть в том, что в Июле я узнала о его измене и написала ему тотчас, что разойдусь с ним. Он моментально полетел домой, написав тебе лживое письмо. По приезде сюда ему удалось подействовать на мою мягкосердечность, и я одно время надеялась на возможность поправить дело, почему и решила в письме к тебе из Финляндии сделать приписку и тем поддержать обман, ради твоего спокойствия. Но очень скоро последовали такие разоблачения, которые заставили меня употребить все меры для скорейшего и полнейшего разрыва с ним. Дело уже совершенно непоправимо”.²⁸

По тогдашнему законодательству развод был весьма затруднен. Хорошо известно, сколько пришлось пережить в связи с этим В. В. Розанову, расставшемуся с первой женой, но из-за ее отказа не смогшему официально развестись. О проблемах Вяч. Иванова и Л. Д. речь пойдет далее. Но пока что ей нужно было спешно что-то решать. На первых порах она решила воспользоваться помощью близкого приятеля, чиновника Министерства народного просвещения, крестного отца одного из ее сыновей — Владимира Эдуардовича Гаген-Торна. К сожалению, нам известны преимущественно его ответные письма²⁹, но и они достаточно выразительны. Уже 9 августа он попытался уговорить ее не спешить: “Вы пишете, что у Вас хватит сил порвать с мужем и что одиночество Вас не страшит. Но, во-первых, это, может быть, только кажется Вам теперь, на первых порах, а, во-вторых, хватит ли у Вас сил, чтобы вынести все дразги, все хлопоты и неприятности,

с которыми сопряжен подобный разрыв? Дело в том, что К. С. может и не согласиться добровольно на все Ваши требования, а тогда без Комиссии <так!> Прощений, где всю душу способны вымотать у человека, дело не обойдется. Я говорю это потому, что в субботу К. С. приходил ко мне, как мне показалось, исключительно с целью узнать, как я смотрю на это дело и не поддерживаю ли я в Вас мысли о необходимости разрыва. Хотя он был очень сконфужен и казался удрученным и вполне раскаивающимся в своем поступке, тем не менее у меня осталось впечатление, что он во что бы то ни стало постарается удержать Вас и детей и вряд ли уступит Вашим требованиям, разве что побоится скандала. Но, может быть, я и ошибаюсь, и он вполне искренно раскаялся и понял всю величину своего проступка и грозящей ему потери. А в таком случае не лучше ли простить, примирившись с мыслью, что и у Вашего мужа, как у большинства людей, не только маленькие, но и один крупный недостаток, от которых вообще никто не свободен. Надо брать жизнь как она есть, а не такую, какую Вы хотели бы, чтобы она была. Вы просите меня узнать мнение „начальствующих“ о том, может ли голый факт размолвки с женою повредить в карьере <так!> выдающемуся преподавателю и способному ученому. Узнать этого мнения нельзя, потому что определенного, установившегося воззрения на подобный факт нет и не может быть, ибо „начальствующие“ — тоже люди: иной из них держится более строгих принципов на этот счет, большинство же довольно снисходительно и если не пожелает поставить „ошибки в фальшь“, то не взыщет с виновного, особенно если станет известным только один голый факт, без каких-либо некрасивых подробностей”.³⁰

То ли его, то ли чьи-то еще уговоры подействовали на Л. Д. Вряд ли можно сомневаться, что родственники и близкие знакомые уговаривали ее сохранить супружеские отношения. Действительно, молодой женщине, матери троих детей, из которых старшему в сентябре исполнялось 6 лет, а младшему только что исполнился год, должно было нелегко прийти в отдельной от мужа жизни, тем более что и с семьей ее отношения были крайне неровными: периоды пылкой близости сменялись почти что полным отчуждением. Но все же во второй половине сентября, насколько мы можем судить по письмам, Л. Д. для себя все решила. Мы уже цитировали ее письмо к отцу от 16 сентября, а через 10 дней, получив за это время сразу три заказных ответных письма, она выразительно обрисовала свою позицию: “Я приняла это решение, обдумав его зрело со всех сторон. Пока я думала, что муж изменил мне раз, и хотя целый год гнусно обманывал меня, эксплуатируя <так!> на содержание своей любовницы и деньги мои, и силы, и сердце мое, и друзей моих, пока я знала этот один его поступок — я была мягка настолько, что не решалась лишать его детей и даже не отнимала надежду на примирение со мною. Но спустя месяц после первого разоблачения я узнала совершенно достоверно, что уже много лет муж мой в недостойном обществе кутил, посещал увеселительные заведения и дома разврата. Что в Италии, живя со мною, он сходил с разными женщинами.

Кроме того, когда я потребовала пожизненный вид на жительство, исключительное право на воспитание и образование детей, перевод дома на мое имя и продажу имения, сделавшегося мне отвратительным по воспоминаниям, когда я сказала ему все это, он принялся кричать на меня, отказался от исполнения всех этих требований и грозил „вышвырнуть“ меня из моего дома и брать с меня плату за квартиру. После, из страха комиссии <так!> прошений, он стал делать какие-то полууступки, но без главного, т. е. *без полной личной свободы и права на детей я жить не могу*. Что касается советов, то в таком тонком семейном деле советовать другие не могут. Я одна могу знать всю глубину мерзости, которая меня окружала, одна могу измерить свои силы и знать, хватит ли их на жизнь с развратным и гадким негодяем, а также, вправе ли я или нет отнять у детей гадкого отца. За это последнее мне придется отвечать перед детьми, *и я отвечу*, с документами в руках. Что касается жалобы в комиссию, то она вызвана исключительно упорством моего мужа добровольно уступить моим требованиям, и я всеми силами, до последней капли крови буду стоять за эти требования. Напрасно, папа, ты так преувеличиваешь себе значение моей жалобы в комиссию. Никто не помешает мужу моему давать уроки и читать лекции, а уезжать из России за разврат и обман жены простому смертному преподавателю еще не приходилось никогда. Напрасно ты также говоришь о моих страстях и жажде мести. Долго, кроме жгучей жалости к мужу, я ничего не испытывала, и теперь, хотя я меньше жалею, но *не ненавижу* его. Я только презираю и силою рассудка своего пришла к *сознательному и непоколебимому решению* освободить от жалкого негодяя себя и своих детей”.³¹

Вряд ли нам стоит принимать на веру все те обвинения, которые предъявляет мужу Л. Д. Еще не раз придется столкнуться с тем, что она приписывает ему такие качества и поступки, которые ничем не могут быть подтверждены, рисуя исключительно в черных тонах (впрочем, и опровергнуть сказанного мы не можем). Существенно, что в конце сентября она окончательно решила начать официальный процесс расхождения, прибегнув при этом к помощи учреждения, которое называла по старинке “комиссией”. Официально с 1885 года оно именовалось Канцелярией прошений, подаваемых на Высочайшее имя (в 1895 году, когда Л. Д. все еще приходилось иметь с нею дело, она стала Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых). Как увидим далее, в задачу Канцелярии входило не только разрешение юридических проблем, но и улаживание спорных вопросов миром.

В 1893 году пик выяснения отношений с мужем пришелся на конец октября. Состояние дел до этого момента подробно обрисовано в письме ее брата, человека с большими связями и перспективой большой карьеры³², который временами оказывал существенную помощь сестре. Он писал: “При первом же, более чем неожиданном, сообщении Лидюшею постигшего ее несчастья и намерения ее разойтись с мужем, я выразил ей убеждение в том, что *лучше*

простить и попытаться забыть самую тяжелую даже вину мужа, чем порывать навсегда связь, долго державшуюся, и разрушать семью; на этом я настаивал усиленно и настойчиво. К несчастью, разрыв, по-видимому, глубокий и далеко зашедший — как он ни внезапен; при объяснениях Лидия сказала про К. С. настолько прискорбно-резкие факты и в такой некрасивой окраске, вынырнули, довольно резко, материальные побуждения, вызвавшие, помимо огорчения, чувство гадливости, что стало невозможным *настоять* на примирении и что пришлось направить усилия к тому, чтобы Л. не поступила опрометчиво и спокойно приняла бы меры к обеспечению себя и детей. Лучшим путем к этому было обращение в Коммиссию прошений, где дело, хотя бы и начатое, может в любое время быть прекращено по желанию просителя. Имея затем в виду, что Лидия *ничьего* совета не спрашивала и не принимала, что она, так или иначе, *хочет* действовать по собственному убеждению и что она Тебе, Маме и мне скорее *сообщает des faits accomplis et des desseins arrktes**, советуясь *только* о том, *каким путем* сделать то или это, то и приходится в пределах возможности помогать и ограждать ее хотя в этом. Я это говорю не как упрек Лидюше; настойчивость ее Тебе известна, и это не переменить. — Собственно, о самом деле, об обвинениях и об извинениях (т. е. том, что может быть приведено к извинению К. С.), я судить не могу с безусловной уверенностью; да кто и может? Подобные вещи слишком личны; а тут Л. и не хочет, чтобы судили! Можно только сказать, что, как бы виновен К. С. ни был, для молодой женщины с детьми и в особенности при темпераменте Л. разрыв с мужем составляет большое несчастье, большее, чем потеря доверия и нежности к нему. Это я ей настойчиво, повторяю, высказывал. Чем все это кончится, положительно не предвижу. Вчера Лид<я> мне сказала, что она подала в Комиссию прошение о выдаче ей, помимо согласия мужа, постоянного вида на жительство с правом исключительного воспитания всех детей. Прошения она мне не показала и просматривать до подачи, по-видимому, не желала давать, но обещала, еще раньше, принять к сведению некоторые указания, как писать”.³³

Самый подробный отчет об октябрьских перипетиях сохранился в большом письме Шварсалона к тестю, которое цитировать вряд ли имеет смысл, но суть вполне можно изложить. 10 октября Л. Д. пишет мужу, что после получения отдельного вида на жительство и удовлетворения ее условий на отказ от свиданий с детьми она готова удовлетворить все его финансовые требования.

23 октября супруги явились в Канцелярию прошений, где, “в присутствии барона Будберга, при Лидии и при мне был составлен протокол, в котором выражено и нами обоими подписано, что я *признаю себя виновным в нарушении супружеской верности с Г-жей В<ульфийус>*, отвергаю все другие обвинения, изложенные Лидией в жалобе на меня, и добровольно соглашаюсь на выдачу ей с детьми бессрочного вида. Затем мною и было подписано это согласие. Бар<он> Будберг предупредил меня, что мы можем

миролюбиво сговориться относительно детей; в случае же, если мы не придем к соглашению, то Лидия Дм<итриевна> оставляет за собой право — возбудить вновь в Коммиссии свою жалобу, во второй ее части, т. е. *по обвинению меня в безнравственном и распутном поведении за все время супружеской жизни*. После этого мы удалились из Канцелярии”.³⁴

Но на этом все не прекратилось. Л. Д. все устражала требования, и в какой-то момент ее муж взбунтовался. 25 октября он написал ей решительное письмо: “Лидия Дмитриевна. Вы не станете отрицать, что на Вас лично, на Вашу свободу располагать собой я никогда не считал себя вправе претендовать и не держал себя никогда „главой“ в семье; но счастлив был установившимся между нами равенством, при взаимном доверии и уважении, которым я изменил первый, после 6 лет нашей супружеской жизни. Теперь, после совершенного мною в отношении Вас, я ни на минуту не сомневался, что обязан и формальным образом сделать Вас совершенно независимой от моей воли и от моих желаний. Вам угодно было эту формальность сделать под покровительством и ручательством самого правительства — чужих нашей семье людей, и я подписал в субботу, 23 сего Окт<ября> в Канцел<ярии> Ком<иссии> Прош<ений>, свое согласие на получение Вами с детьми бессрочного вида на жительство. — Признаюсь, давая свое согласие на вид, я обманулся <...> в надежде, что между нами будет немедленно заключен мир, что на некоторое время вопрос о моих отношениях к детям останется открытым или решен в том смысле, что пока я не буду даже видеть детей в течение этой зимы или всего года, по меньшей мере.

Но Вы поспешили тотчас же, по выходе из Канцел<ярии> Прошений, в субботу, рассеять самым энергичным образом мои надежды, заявив мне, что Ваше требование относительно детей остается в полной силе и что если в понедельник, т. е. сегодня, 25 Окт<ября>, до 5 час<ов> я не явлюсь в Комм<иссию> и не дам там своей подписки об отречении от всех своих родительских прав и обязанностей, то Вы возобновите жалобу, и добиваетесь всеми силами от меня вынужденного отречения или, в крайнем случае, будете искать формального развода. — Вы знаете, что вчера, в воскресенье, я долго беседовал с Ив<аном> Мих<айловичем> Гревсом по поводу Вашего последнего настойчивого требования; Вы успели предупредить его о нашем разговоре в субботу и уже имели известие сегодня о моей вчерашней беседе с ним <...>

В ответ на Ваши письма и на Ваш ультиматум, я скажу то же, что говорил вчера Ивану Мих<айловичу> Гревсу: „За свою страшную вину перед Вами я лично должен перенести все, что Вы потребуете или придумаете сами, до уничтожения меня в нравственном и материальном отношении. Разумеется, я не перестану бороться за свое существование, т. е. не перестану работать, мыслить, жить, — но уверяю Вас! ни на один момент до сих пор и, надеюсь, навсегда! не только не чувствую против Вас озлобления или раздражения, но

единственно испытываю досаду на самого себя, горечь и обиду, что мог так оскорбить Вас и довести до такого состояния возбужденности, в каком Вы живете столько времени.

Да, я лично все перенесу от Вас!“

Но не могу исполнить Вашего последнего требования — отречься от детей навсегда; не могу, потому что — поймите Вы это, умоляю Вас! — я не имею права перед детьми это сделать навсегда. Кроме горечи потери детей, которых Вы хотите отнять у меня, это сознание несправедливости в отношении их и несправедливости передачи Вам одной, Вам лично, а в случае Вашей смерти другим, посторонним людям, всего того, что принадлежит обоим родителям в отнош<ении> детей и лежит на них обоих, — это сознание я не в силах подавить в себе никакими доводами ума, никакими чувствами к Вам, никакими возможными предположениями об исходе Вашего упорства”.³⁵

Пожалуй, сознание современного человека скорее поймет правду Шварсалона, чем его жены. Действительно, отнять у человека, пусть даже и виновного, право видеться с детьми, причем отнять навсегда, — не очень укладывается в представления о возможных отношениях между расходящимися супругами. Но Л. Д. была тверда настолько, что готовилась идти на самые крайние меры. Вот как она сама описывала отцу ту же ситуацию: “Я писала тебе, что возьму назад свое прошение. Дело в том, что муж, при помощи Оома, своей ловкости, своих рыданий и, увы, твоих писем, которые он показывал Буд<бер>гу или о которых ему говорил, словом, он достиг того, что Будберг отказал мне в передаче мне исключительного права на детей. Теперь мне, конечно, ничего не остается, как отступить от моего последнего требования, благо муж купил расположение Будберга обещанием вполне отказаться от имущества и выдать мне бессрочный вид с детьми. Пока я решила удовлетвориться этим и оставить в стороне комиссию прошений. Когда же я увижу, что мне от мужа будет малейшая неприятность, я постараюсь справиться с ним иным путем. Детей ему я не дам ни душою, ни телом. Напрасно ты думаешь, что он выше всего дорожит грошовым, к сущности, имуществом. Для этого он слишком умен. Мне же особенно важно отнять у него дом и дачу, так как тогда он у меня будет в руках и я всегда успею подкупить его, когда понадобится”.³⁶ И здесь стоит припомнить, что среди угроз, с которыми она обращалась к мужу, была и такая, отчетливо сформулированная позднее, но намеки на которую были уже осенью: “Я дело не тороплю, а поставила мужу на выбор: или преследование его по закону перед уголовным судом, или согласие его на развод”.³⁷

Но в общем ситуация осени 1893 года была такой: Л. Д. получила от мужа бессрочный отдельный вид на жительство, дети оставались с ней,

финансовые дела были более или менее улажены, и другая женщина, возможно, этим удовлетворилась бы.

3

26 ноября, то есть через месяц после описанных нами событий, С. А. Зиновьева, мать Л. Д., писала мужу: “Лидя отказалась оставить Петербург, пока совершенно не покончит с своими отношениями к К. С-чу, прибавляя, что здесь ей не тяжело, когда она занята, что здесь много друзей, которыми она очень дорожит; так, весь круг ее отвернулся от К. С. и уважает и ценит ее, а она дорожила прежде и дорожит теперь, сходясь с ними по убеждениям своим <...> дабы иметь с нею сердечную связь, надо держать ее тепло, но помириться на том, что она своенравна, никогда и ни в каком случае с своими идеями не расстанется, и теперь, оскорбленная в личном чувстве, в которое больше не верит, убеждена, что найдет вполне занятия и цель жизни не только в детях, но в единомышл<енных> св<оих> друзьях, литературе <так!>, искусстве и т. д. и т. д. Как бы то ни было, с ее характером и убеждениями починить раз разбитое *невозможно*. Итак, увидим, как пойдет дело ее развода и возможен ли он. Но у Лидии слишком много потребностей и интересов всеобщих, чтобы быть *убитой* разочарованием в личной жизни. Она знает, где найти участие и любовь, но очень довольна своими друзьями, большею частью людей, которые интеллигентны, а это она ценит больше всего. Ничего невозможно сделать для нее. Она давно пробует писать, берет с больш<им> интересом уроки пения и уверяет, что сумеет устроить свою жизнь разумно, не нуждаясь в советах”.³⁸ И как бы в продолжение этого через два месяца, 29 января: “Это особенный человек, и человек, которого никто никогда не переделает, которого благородные и хорошие качества можно уважать, но странности которого, с детства развивавшиеся, обратились теперь, близко к 30 годам, убеждениями своеобразными и взглядами упрямыми и стойкими, не поддающимися ничьему влиянию на свете. Я, впрочем, боролась много, пока она развивалась так упрямо и своеобразно, и положила на это много сил своих. Когда она выходом замуж стала на свои ноги, и тут я следила за ее знакомыми и, живя часто у нее, знаю почти всех, и по совести не имею права сказать что-либо дурное про них. Она знакома и дружна со многими учительницами и учителями, из которых многие женатые, честные отцы семейства живут трудом. Это замечательная вещь, *что все прежние друзья* Г-на Шварсалона отвернулись от него, тогда как Лидия пользуется глубоким уважением. Это я знаю через мать и семью нашей Якобсон, посещающей Лидин круг, когда у нее собираются, и самые его близкие его знать более не хотят. Лидия, у которой всегда был большой голос, не казавшаяся музыкальной, теперь всю зиму им исключительно занимается, и это составляет главную отраду — вполовину она ничего не способ<на> делать. Поэтому она не оставит Петербурга, пока ее учительница там. Многие годы она интересуется и держится совсем иной сферы, чем наша...”³⁹

Литературе, как мы знаем, Л. Д. отдалась со страстью и до самой своей безвременной смерти занималась писательством. О друзьях и пении стоит сказать несколько слов.

Нет сомнения, что после расхождения со Шварсалоном ее многие поддерживали. Кто-то брал на себя уход за детьми, кто-то приглашал к себе, кто-то был готов сопровождать в путешествие. 28 апреля 1894 года она пишет отцу:

“Я давно не писала вам, так как была в путешествии и не могла сообщить ничего определенного и ничего приятного. Поехала я в Тверскую губернию и в Москву, чтобы повидать своих друзей, посмотреть вторую нашу столицу, которую,

в сущности, никогда не видала. Но, к сожалению, и в этот раз мои намерения разбились в прах вследствие отвратительного настроения. В Осташкове я все время скучала, потому что воздух там очень хороший, и я все думала о детях в городе и представляла себе их в деревне на воле. В Москве же на меня напала такая вялость и апатия, что я или сидела со своею подругою, или плакала и мечтала о доме своем и о детях. Несмотря на лучшие намерения, не имела сил сходить в галерею Третьякова, не видела храма Спасителя, не была в Кремле. Самое интересное я пережила в опере в Большом Театре. Видела „Демона“, которого пел Хохлов, любимец Москвы. Не говоря о прелестной музыке, роскошной постановке и недурных исполнителях, было интересно и приятно видеть непосредственный, сердечный взрыв симпатии и благодарности со стороны публики любимому и уважаемому артисту. Ничего подобного в Петербурге не увидишь. Кроме того, я была на вечере у одного молодого профессора Московского университета, где видела много интересных людей. Пробыла вне дома всего 10 дней и третьего дня с радостью вернулась к своим. <...> Я почти решила ехать к тебе, папочка, в июне. Дело в том, что осенью мне пришлось бы ехать совсем одной, а теперь в июне предполагают ехать двое моих хороших друзей, с которыми я побродила бы по горам и проехала бы в Италию, а затем приехала бы в Женеву и пожила бы у тебя. <...> Поэтому я с радостью ухватилась за мысль поехать со своими друзьями, из которых один известный и всеми уважаемый профессор истории Гревс”.⁴⁰ Прошлым летом Гревс ехал в Италию с К. С. Шварсалоном⁴¹, теперь отправился с его женой. И, надо сказать, эта поездка вызвала бурное возмущение Шварсалона и даже жалобу в Канцелярию прошений, которая продолжала следить за делом. 23 октября ей сообщил В. Э. Гаген-Торн: “К. С. уже успел донести Канцелярии, что Вы летом „бросили детей, оставив их на попечении одной прислуги, а сами уехали за границу с двумя какими-то профессорами“. В Канцелярии это произвело очень дурное впечатление, и мой знакомый говорит, что в случае повторения подобного факта очень легко может состояться постановление в пользу передачи детей отцу”.⁴² Именно во время этого путешествия она познакомилась с Ивановым, и результаты знакомства вызвали явное охлаждение во взаимоотношениях с прежними друзьями. Их имена почти

совсем перестают попадаться в ее письмах, а остающееся имя И. М. Гревса постоянно звучит с какими-либо оговорками. Это, безусловно, объясняется далеко не однозначной реакцией их на второй брак Л. Д. с Ивановым.⁴³

Что же касается пения, то здесь приходится разрушить одну из легенд, которые сопровождали жизнь Зиновьевой-Аннибал. Ее талант певицы был общеизвестен, а причины отказа от карьеры профессиональной оперной примадонны объяснялись внезапной утратой голоса накануне первого выступления или ответственного концерта. На самом деле приходится говорить, что возможности стать профессионалкой были слишком преувеличены — видимо, самой Л. Д. По письмам к Иванову довольно хорошо можно понять, что всего через неполных полтора года не слишком усиленных занятий пением она уже полагала, что достойна места на императорской сцене в России или в хорошей итальянской антрепризе. И только непродолжительная работа со знаменитой Полиной Виардо заставила ее согласиться с мнением этой выдающейся певицы: слишком поздно начались занятия, и уже невозможно рассчитывать на какой бы то ни было успех. Максимум, на который была способна Л. Д., — участие в любительских концертах и домашнее пение.

Как бы то ни было, жизнь продолжалась, и Л. Д. твердо решила получить развод. Несомненно, одним из побудительных мотивов стало то, что уже осенью 1895 года дело о своем собственном разводе начал Иванов. 9/21 октября 1895-го он писал Л. Д.: “Вчера вечером, дорогая моя, я совершил главнейшую часть своей здешней миссии — свое фиктивное прелюбодеяние, — и совершил, благодаря малому педантизму „свидетелей“, с наивозможным [, по-видимому,] *minimum*’ом гнусности, присущей этому позорному обряду: они привезли меня в публичный дом, видели меня, в одном из его *cabinets*, сидящим на постели рядом с женщиной и, удовольствовавшись этим, — уехали; я же, думая, что они войдут опять, лежал несколько минут в пассивном ожидании рядом с своей очень молоденькой и довольно хорошенькой *complice* (упругое тело которой успел эстетически оценить, не ощущая, однако, никакого эротического влечения), — пока не услышал от своего „поверенного“ освободительную весть об отъезде свидетелей, после чего объявил удивленной и как будто даже слегка обиженной сообщнице своей, что немедленно уезжаю и что все случившееся было просто комедией... Завтра я должен буду дать нотариальные доверенности на ведение моего дела; потом, через несколько дней, — явиться, для [врачебного осмотра] признания меня больным, во врачебную управу, чтобы быть освобожденным от обязанности лично являться в суд. Этим и ограничивается мое личное участие в процессе, так что мой адвокат считает возможным отпустить меня через неделю на все четыре стороны”.⁴⁴ Менее чем через год его развод был утвержден Синодом, но с важным добавлением: “Определением С.-Петербургского Епархиального Начальства, 24/31 Мая сего 1896 года состоявшимся и утвержденным Святейшим

Правительствующим Синодом, как видно из указа Оного, от 29-го Июля того же года, за № 3661, брак супругов Ивановых, совершенный 4-го Июня 1886 года причтом Московской Иоанно-Предтеченской в старой Конюшенной церкви, по причине доказанного прелюбодеяния Вячеслава Иванова Иванова, на основании 253 ст. Уст<ава> Дух<овной> Консистории, расторгнут с воспрещением ему, Иванову, навсегда вступать в новые браки и преданием его, затем, по 20 пр<авилу> Поместного Анкирского Собора, семилетней Церковной эпитимии; Дарии же Михайловой Ивановой, урожденной Дмитревской, дозволено, если пожелает, вступить в новый брак и с другим, беспрепятственным к тому лицом”.⁴⁵ Итак, Иванов до конца жизни должен был оставаться безбрачным. Но вряд ли это особенно смущало Л. Д.

Подробности разводного дела известны нам лишь в пересказах. Если придавать им более или менее связный вид, то вот как оно будет выглядеть.

Еще в начале 1894 года Л. Д. так обрисовывала положение дел отцу: “Дело мое с мужем улажено окончательно. По совету Герарда я грозила ему одним для него крайне губительным процессом в случае, если он не согласится передать мне исключительное право на детей и не согласится всеми способами содействовать разводу. Сначала К. С. делал вид, что не боится моих угроз, и объявил мне, что развода не даст ни под каким видом. Я советовалась с несколькими юристами, и все советовали настаивать на своей угрозе и в случае его окончательного отказа начать уголовное дело против него. За успех этого дела юристы ручались, так как я добыла понемногу все требуемые доказательства. Конечно, приговор уголовного суда не дал бы мне развода, но и синод, и канцелярия прошений могли принять во внимание обвинительный приговор. Кроме того, он покрыл бы позором К. С. на всю жизнь и лишил бы его заработка. Поэтому, поставив ему свой ультиматум, я решила терпеливо ждать, когда он одумается. Действительно, не много прошло времени, когда он решил сам по себе отправиться в канцелярию прошений и через б<арона> Будберга предложил мне некоторые уступки. Но я решила ковать железо пока горячо и не согласилась на уступки, требуя большего. Я устроила переговоры с мужем в присутствии Будберга. Мы спорили более 2-х часов. Я в первый раз решила вполне высказаться и в присутствии мужа в горячих словах охарактеризовала его личность его же поступками. Я закончила свою речь словами: „Я не жила, я не любила, у меня не было друга, не было счастья! И тот, кто обратил в отраву всякое воспоминание о моем прошлом, обязан исполнить все мои требования, и что бы я не <так!> сделала, как бы не <так!> распорядилась своею свободою, он должен молчать и покориться!“ Будберг сказал: „Все, что говорит жена ваша, — совершенная истина, и я скажу от себя: хуже мужем, чем были Вы, нельзя было быть. Вы разве только не били Вашу жену“. Затем я с Будбергом уже заодно принялись уламывать

его и пришли к следующему соглашению, которое записали в протокол и оставили в канцелярии. К. С. отрекается от всяких прав отца на своих детей, предоставляя их всецело мне. Затем: развод он дает тотчас же, *как я пожелаю выйдти<так!> вторично замуж* или, *во всяком случае*, через 2 года. Эти два года я уступила ему, чтобы упрямством излишним не испортить свое дело. Взамен всего этого я обязуюсь допускать его два раза в месяц до свиданий с детьми. — Я, впрочем, решила, что всего умнее будет не стеснять его ни временем, ни сроком этих свиданий и частным образом дала ему *carte blanche* посещать детей когда и сколько угодно”.⁴⁶

Впоследствии адвокатом Л. Д. стал известный юрист именно по бракоразводным делам присяжный поверенный В. Е. Головин. За дело ему пришлось решительно взяться в 1896 году, то есть когда, с одной стороны, прошли два оговоренных года, а с другой — весной этого года у Л. Д. родилась дочь от Иванова, и она твердо была намерена жить с ним, в браке или без брака. Вдобавок к тому времени у нее сложилось твердое убеждение, что в борьбе за детей и деньги Шварсалон готов на все. Полукомический эпизод произошел летом 1896 года, когда Л. Д. уехала в горы отдохнуть и поправить здоровье, а Иванов и дети с кормилицей и ухаживавшими “девушками” оставались в Париже (конечно, они жили раздельно). И вот в этот момент Иванов отправляет Л. Д. тревожную телеграмму о том, что ее спрашивал у консьержки некий толстый блондин. Больше этот толстый блондин не появлялся, о нем не было никаких известий, но у всех взрослых членов семьи началась самая настоящая паника, и мысли о том, как бы скрыть от него местопребывание как Л. Д., так и детей, занимали их на протяжении долгого времени.

В борьбе с этим противником Л. Д. была готова на все, в том числе и на представление лжесвидетелей. Так, она просила свидетельствовать в ее пользу уже упоминавшегося выше В. Э. Гаген-Торна, на что тот в письме от 25 июля 1896 года отвечал: “Что касается Вашей просьбы давать показания по Вашему делу, то я написал Александру Дмитриевичу о своей готовности переговорить с прис<яжным> пов<еренным> Головиным, хотя в то же время предупредил Вашего брата, что Головин вряд ли признает возможным указать на меня как на свидетеля, потому что я знаю подробности Вашего дела лишь с Ваших слов, лично же свидетелем каких-либо предосудительных поступков Вашего мужа не был. <...> Свидетели Ваши, действительно, плохие, и я не знаю, удастся ли Вам добиться своего”.⁴⁷

Как можно понять, первое заседание состоялось 15 октября 1896 года. Незадолго до этого Л. Д. написала адвокату:

“Многоуважаемый Владимир Евгениевич!

Еще не получала писем ни от Вас, ни от Владимира Эдуардовича <Гаген-Торна>. Посылаю Вам несколько писем, которые дополняют <картину> отношений Шв<арсалона> и Тул<инова> и также содержат несколько признаний в факте его измен в <1 нрзб> и также упоминаний о Н. П. В<ульфийус>.

Кроме того, посылаю черновую с прошения, поданного мною в <18>93 г. в Канц<елярию> Прошений, которая хотя и не надеюсь, что пригодится Вам для представления на суде, но, быть может, осветит лучше Вам лично связь событий моего разрыва с мужем. Еще не получила Вашего ответа на мое письмо. Относительно соглашений денежных с Шварсалонам остаюсь при прежнем моем убеждении, высказанном мною Вам в письме и в телеграмме, и еще раз безусловно отклоняю его <так!>.

Буду ожидать 15 Окт<ября> с полной верою в правду своего дела и Ваше знание и талант для его ведения.

Прошу в”.48

Как можно судить на основании письма, отправленного Л. Д. ему же уже после слушания, в деле появились некоторые новые обстоятельства. Во-первых, Шварсалон стал требовать у Л. Д. денег. Во-вторых, на суде он, видимо, сказал нечто о психическом состоянии своей супруги, и это вызвало серьезное неудовольствие у нее. Головину она писала: “Горячо благодарю Вас за подробное извещение о заседании 15-ого Октября. Посылаю Вам требуемое заявление, но упомянуть о требовании денег со стороны Шварсалона пока еще не решаюсь, не желая делать этого окончательно позорящего его честь изобличения иначе как в случае крайней необходимости, о которой, надеюсь, Вы своевременно известите меня. Относительно возражений, представленных Шварсалонам на суде, позволю обратить Ваше внимание на следующее: мне кажется, что даже медицинским авторитетом можно было бы подтвердить, что явления *неврастенического* характера, о которых говорится в моем медицинском свидетельстве, *ничего общего не имеют с психическим расстройством*, а тем более с каким-то „наследственным психозом“. <...> Не знаю, передал ли Вам Гаген-Торн мою просьбу осуществить Ваше намерение переговорить с Яковлевым и просить его, в случае нужды, дать на суде показания; сообщаю Вам адрес Яковлева (Владимир Владимирович): Петерб<ургская> Стор<она,> Большая Ружейная, 7; чтобы Вы могли известить его о Вашем желании с ним видеться”.49 Еще в 1898 году Иванов писал о принесенном Шварсалонам ходатайстве “о расторжении брака в *его* пользу (с предоставлением, следовательно, детей *ему* *fixe* освобождения от него, ШЗ) по причине душевной болезни жены, обусловленной „печальным (!) законом наследственности“ и проявляющейся

в id<варсалон>а, и в болезненно-ожесточенном против него настроении...”⁵⁰

Но для самой Л. Д. теперь возникала ситуация, о возможности которой ей несколько ранее писал Гаген-Торн. Спрашивая его, возможно ли ей без риска приехать в Россию, она получила ответ: “Канцелярия выдала разрешение отправиться за границу ввиду определенной причины, напр<имер>, ввиду того, что Ваше здоровье или здоровье Ваших детей требовало пребывания за границей. Если бы Вы теперь вернулись, то это было бы признано за выздоровление и Канцелярия затруднилась бы вновь выдать Вам разрешение уехать, особенно если Ваш муж восстал бы против этого. К тому же Ваше присутствие вряд ли подвинуло бы дело развода, который, при несогласии мужа, почти неосуществим. Если же Вашему адвокату удалось бы убедить Консистирию в необходимости или возможности развода, то тогда Вам, во всяком случае, нужно будет приехать в Петербург, потому что окончательному расторжению брака должна предшествовать церемония увещевания, для которой вызываются оба супруга. Тогда Вы могли бы уже спокойно приехать, так как церемония эта устраивается только в том случае, если вопрос о разводе принципиально уже решен духовным начальством. В настоящее же время Вам, быть может, было бы трудно уехать опять за границу, коль скоро Вы раз вернулись”.⁵¹ Судя по тому, что в самом начале 1897 года она приехала в Петербург, Головину удалось убедить Консистирию, и должна была состояться процедура увещевания. Но Л. Д. не ограничилась только ею, а, как следует из писем к Иванову, продолжала искать пути, чтобы как можно надежнее обеспечить свое юридическое верховенство над пока еще формальным мужем. В письме к Иванову от 19/31 января она рассказывала: “...пришел адвокат <...>. Он объяснил мне, что бракоразв<одное> дело идет так: 1) консисторский суд, где попы требуют известных тебе свидетелей, судят по букве, очень строго, т<ак> что адв<окат> прямо предупреждает, что консист<ория> провалит дело; 2) утверждается приговор высшим синод<альным> начальством, и оно сплошь и рядом переменяет приговор, судя по тому, на чьей стороне „рука“. Он сказал: Ваш брат поговорит с митроп<олитом>, с Сабл<ером> и т. д., и на это единственная надежда, т. к. кроме tableau de mœurs* г. Ш<варсалона> мы ничего представить положительного не можем. Надежды на исполнение обещания Син<ода> адвокат имеет мало, ибо только что был случай, где несмотря на „сильные влияния“ к<омиссия> пр<ошений> отказала выдать подобный документ, а Синод отказался просить ее о выдаче. Ergo успех весь в покровительстве брата”. И через три дня в почти ликующем письме сообщала: “...мое дело в шляпе. Только что был Тул<инов> и окончательно дал слово за себя и за своего товарища быть мне свидетелями. Теперь нет, по словам адвоката, ни малейшего сомнения в успехе! <...> Тул<инов> честный малый, и теперь развод ускорится”.

Остается только гадать, каким способом Л. Д. уговорила двух свидетелей выступить на ее стороне. Но тем временем дело продолжало двигаться, и осенью Л. Д. в письме к матери описывала состояние дел в данный момент: “Согласиться же на план Сашин и предложение Шварсалона было бы также очень неразумно. Подумай, какое же право я имею уменьшать наследство моих детей на 50 тысяч! Ведь еще меньше права имею я не выплатить в *общий* капитал деньги эти из моего капитала, когда я его получу. Что же касается *необходимости* выдавать эти деньги Шварсалону ради успеха дела, я уже много писала и Саше, и адвокату, и Владимиру Эдуардовичу. Прибавлю еще тебе самой, дорогая мамочка, что если бы я и согласилась на эту взятку и получила бы развод, далее я по-прежнему была бы предметом для шантажа г-ну Шварсалону, ибо Иванов разведен, но он добровольно дал развод, взяв вину на себя, чтобы освободить свою жену. Сам же он по *букве* церкви не имеет права жениться. В жизни постоянно видны такие браки, и сам священник Парижский *предлагал* ему обвенчать его, но если есть враг, желающий вредить, он всегда может подать донос и уничтожить совершенный уже брак. Значит, Шварсалон будет, обрадованный первою подачкою, пытаться и дальше шантажировать. Мне кажется, что единственная возможность зажить мне спокойно — это оставаться с семьею за границей, где мы оба можем всего лучше работать сами и воспитывать детей до их совершеннолетия. А развод, если удастся, то и слава Бога <так!>, тогда подумаем и насчет брака, но оставаясь, вероятно, за границею, если же не удастся — неудача эта не стоит 50 тысяч из денег детей. А за границею Шварсалон нам ничего сделать не может”.⁵²

Почти ровно через год она так описывала положение дел — уже отцу и с несколько другой точки зрения: “...я только третьего дня получила твое письмо с радостным известием с копией об удачном окончании дела в Консistorии. Теперь оно будет ждать дальнейшего хода в течение двух месяцев. Потом пойдет на утверждение в Синод и там еще пробудет некоторое время. В течение этих двух месяцев Шварсалон имеет право подавать жалобу в Синод на кассацию. Затем, когда дело окончится в Синоде, то мне предстоит еще специальный процесс в Канцелярии Прощений об утверждении Высочайшим Именем детей моих за мною. Итак, видишь, что дела еще порядочно и надолго хватит. Ты, дорогой Папа, хорошо советуешь мне осторожность! Конечно, теперь все дело может рухнуть у самого уже окончания его из-за малейшей моей неосторожности. Только горе в том, что нам стало не вполне безопасно теперь продолжать наше пребывание здесь. Адрес мой мог мало-помалу и *как-нибудь дойти до Шварсалона*. Ведь все когда-нибудь выходит на свет! Мне кажется, что лучше было бы вновь переменить место жительства на другое столь же разумное! и там сидеть смирно в ожидании конца процесса. Я и ездила вокруг поискать такого местечка, но пока ничего не нашла. Во всяком случае, мы совершенно проникнуты одною заботою: жить тихо и скрывать свои следы”.⁵³ Действительно, в конце 1897-го и начале 1898 года семейство

жило в небольшом местечке Аренцано под Генуей, очень уединенно и почти ни с кем не переписываясь (письма приходилось пересылать через отца Л. Д., чем он был недоволен как лишней обузой), потом недалеко от Неаполя, откуда в конце лета 1899 года перебралось в Лондон.

Лишь 5/17 марта 1899-го Л. Д. могла сообщить отцу: “Дорогой Папочка, Ты, наверное, знаешь уже от Саши о счастливом разрешении моего процесса. Слава Богу! <...> Теперь, конечно, очень многое уже достигнуто, но еще остается немало затруднений. Надо мне теперь узаконить мой второй брак, что будет нелегко, так как Вячеслав дал своей первой жене *развод* и сам по закону вступить в брак не может. *Конечно, это правило часто обходится.* Но и после венчания мне предстоит еще борьба с Шварсалонем за *детей в Канцелярии Прошений*, так как там наше условие действительно лишь *до заключения моего второго брака!* К сожалению, я теперь *чувствую себя совсем больною* и потому, особенно ввиду моей большой слабости, тяжок мне долгий путь. По крайней мере, возьму самый лучший прямой поезд в Вену и решусь со всеми удобствами проехать в Россию для хлопот и совета практического с Сашею и адвокатами. Буду беречься, сколько могу, дорогой папа! Пока же *надо еще хранить глубокую тайну* моего адреса и быть мне очень осторожной”.⁵⁴

Пожалуй, на этом можно и закончить историю этого характерного дела, лишь коротко сказав о дальнейшем. Летом 1899 года Ивановы находятся в Петербурге, где проворачивают абсолютно противозаконную операцию: В. И. заявляет о пропаже паспорта и за солидную взятку получает новый, в котором не отмечено запрещение брака. После этого они бросились за границу и с большим трудом в июле обвенчались в греческой церкви в Ливорно. Примерно в то же время, в 1900 году вторично женится Шварсалон. В недатированном письме одна из “девушек” Зиновьевой-Аннибал, Е. Строганова, сообщала ей: “Их бабушка получила письмо из Флоренции, и между прочим пишется про Шварсалона, что он во Флоренции с молодой женой. Анята пишет: Лидия Дмитриевна совсем может не бояться его преследования! так как он занят другой жизнью”.⁵⁵ Из другого источника Зиновьева-Аннибал узнала об этом весной 1902 года. Так что и действительно перипетии первого брака можно было забыть.

В завершение приведем лишь письмо К. С. Шварсалона к детям, написанное уже после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, которая последовала 17 октября 1907 года:

“Мужская гимназия

Миргород Полт<авской> губ<ернии>

22 Апр<еля> 1908.

Дорогие мои!

Вашим ответом, полученным мною в П<етербур>ге, в субботу, 12 апр<еля>, я не был поражен: и мне стоило больших усилий обратиться к вам с предложением свидания. Время — лучший врач, особенно в таких случаях... Но вы поймете меня и извините мне мое страстное желание услышать от вас, моих детей, отклик на то чувство, которое никогда не потухало в моей груди, — чувство веры в торжество любви.

Будучи убежден в страшном вреде для детей от семейного разлада, я дал себе слово — не вести борьбы над вашими головами, и я сдержал это слово: в течение почти 14 лет, с 1894 г., я не домогался даже видеть вас. Но мне было известно, что ваше воспитание не заброшено.

Моя вторая женитьба в 1900 году и мои дети от второго брака — у меня дочь Евдокия, 6 лет, и сын — Константин, 7 месяцев — не вытеснили вас из моего сердца.

Моя жена всегда знала о моем душевном состоянии, и в тот момент, как только убедилась, что и вы не отклоняете мысли о свидании с отцом, она, по собственному побуждению, решилась написать вам.

Если вам придется когда-нибудь встретиться с ней, вы убедитесь, что она искренна и непосредственна в своем порыве.

Повторяю: время — лучший врач, и когда вы захотите спросить меня обо мне или сказать что-нибудь о себе, то я готов всей душой пойти на встречу вашему желанию.

Ваш отец *К. Шварсалон*¹.56

Встречались ли дети с отцом в дальнейшем, мы не знаем.

1 См.: “Но на испытание мне никогда не суждено было предстать: ревностное изучение специальных исследований и толстых книг, в роде „Государственного Права“ Моммзена, не обеспечивало меня от возможности промахов в ответе на какие-нибудь вопросы порядка элементарного, а мое самолюбие с этою возможностью не мирилось” (I, 21). Здесь и далее ссылки на бельгийское четырехтомное собрание сочинений Иванова (Брюссель, 1971—1986) даются прямо в тексте, с указанием тома римской цифрой, а страницы — арабской.

2 Переписка подготовлена к печати М. Вахтелем, Д. О. Солодкой и автором этой статьи (издательство “Новое литературное обозрение”).

3 Из письма Иванова к первой жене, Д. М. Ивановой, от 12 июля 1894 г. (Вячеслав Иванов и Лидия Шварсалон: первые письма / Вступ. ст. Н. А. Богомолова, подгот. текста Д. О. Солодкой и Н. А. Богомолова, примеч. Н. А. Богомолова, М. Вахтеля и Д. О. Солодкой // Новое литературное обозрение. 2008. № 88. С. 124).

4 Там же. С. 119—121. Этого сообщника звали Роберт Александрович. Незадолго до свадьбы Зиновьева-Аннибал узнала, что у него умерла жена, и решила, что теперь ее долг — стать его настоящей женой. Об этом с согласия жениха она написала и ему самому, и священнику, который должен был их венчать. Эти письма мы надеемся опубликовать.

5 Полностью письмо публикуется: Богомолов Н. А. К биографии Л. Д. Зиновьевой-Аннибал // Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009 (в печати).

6 То есть в 1882-м или самое позднее в 1883 году.

7 См. его письма к ней: РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 45. У нас нет решительно никаких сведений о том, что он был губернатором кого-то из братьев, как утверждал со слов Ивановых М. Кузмин (Кузмин М. Дневник 1934 года. 2-е изд., доп. СПб., 2007. С. 66). После скандальной истории с фиктивным браком Лидии такого губернатора не могли бы держать дома и тем более выдать за него дочь.

8 РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 46. Л. 1об.—2.

9 РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 47. Л. 9—9об. Софья Александровна — мать Л. Д. Отец Алексей Колоколов был в 1880-х — 1890-х годах весьма популярен среди петербургской интеллигентной публики. Отметим, что в словаре “Русские писатели. 1800—1917” (Т. II. С. 342; статья О. Б. Кушлиной) замужество Лидии Зиновьевой отнесено (вероятно, на основании сведений О. Шор) к 1884 году; отсюда эта версия распространилась довольно широко, понав, к примеру, в комментарии к дневнику М. А. Кузмина 1934 года.

10 Добавим, что уже после свадьбы он недолгое время был вольнослушателем юридического факультета.

11 Там у него учился В. А. Каверин. См.: Каверин В. А. Освещенные окна. М., 2002. С. 80.

12 Сведения основаны на данных сайтов www.schwarssalon.narod.ru и <http://ksschwarssalon.narod.ru>. Сведения из университетского дела Шварссалона (ЦГИАСПб. Ф. 14. Оп. 13. Ед. хр. 204) сообщены нам Ю. Е. Галаниной, которой приносим искреннюю благодарность.

13 См.: Шварсалон К. С. Восточный вопрос в новом сочинении по истории папства // Журнал Министерства народного просвещения. ССLXXI. 1890. Сентябрь. С. 205—232. Он же. Итальянские исторические документы о России // Русская старина. 1894. Т. 81. № 1. С. 197—203.

14 Иванова Лидия. Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 16).

15 Письмо к Д. В. Зиновьеву от 10/22 марта 1893 // РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 47.

Л. 14—15. Домашний адрес Шварсалонов в это время: Петербург, Тверская, 4. И очень похоже на то, что именно там, совсем недалеко от центра города, они и держали свое немалое хозяйство.

16 Слова о “поприще эсерского революционерства” (видимо, на основании тех же пассажей из сочинения Шор) были произнесены С. С. Аверинцевым (“Скворещниц вольных граждан...”: Вячеслав Иванов: Путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 42). О. Б. Кушлина на основании неизвестных нам данных пишет о том, что “ненадолго вернувшись <в 1893-м> в Петербург, З<иновьева>-А<ннибал> порывает с социал-демократами...” (цит. соч.).

17 РГБ. Ф. 109. Карт. 48. Ед. хр. 8. Л. 1.

18 Там же. Л. 2об.—3.

19 Там же. Л. 3—3об.

20 См.: РГБ. Ф. 109. Карт. 44. Ед. хр. 40. Завещание — машинописная копия, второй документ — копия рукой М. М. Замятниной.

21 РГБ. Ф. 109. Карт. 21. Ед. хр. 29. Л. 56об. Письмо от 29 января 1894.

22 РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 47. Л. 12—14.

23 Иванов Вячеслав Иванович. По звездам. Борозды и межи. М., 2007. С. 725—726 (Комментарии В. В. Сапова). Независимо от этой публикации: Вячеслав Иванов и Лидия Шварсалон: первые письма... С. 124. Герман Германович Вульфius (1865—1893) — археолог. К сожалению, о его жене мы не обладаем какими бы то ни было сведениями.

24 РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 2. Л. 2 об. Письмо от 6/18 июня.

25 См. письмо В. Э. Гаген-Торна к ней (РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 41. Л. 1).

26 В письме к отцу от 13 июня 1893 г. Л. Д. рассказывала: “За эти дни в городе все хлопотала с покупками и с разными хозяйственными заботами по дому. Была санитарная ревизия. Наш бедный дом стоял 100 лет так, как стоит теперь, и вдруг оказывается, что конюшня не в порядке и дворницкая также. Приходится класть второй пол под конюшней и т. д. Хлопоты и расходы. Хорошо еще, что нам попался отличный дворник: тихий, скромный, но умелый и честный” (РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 2. Л. 5об.—6).

27 РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 47. Л. 21—22.

28 РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 2. Л. 7—7об.

29 Сохранились копии двух писем к нему Л. Д., но они не касаются дел, а посвящены описанию ее переживаний.

30 РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 41. Л. 2об.—3об. В первом порыве Л. Д. написала ему довольно решительное по тону письмо, где отвергала его предложения (Там же. Карт. 22. Ед. хр. 26. Л. 1—2).

31 РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 2. Л. 20—21об. Письмо от 26 сентября (старого стиля).

32 Александр Дмитриевич Зиновьев (1854—1931) впоследствии стал предводителем дворянства Петербургской губернии, а в начале XX века — Петербургским гражданским губернатором. О своих отношениях к нему Л. Д. писала отцу в том же, 1893 г.: “Ты как умный человек вполне понимаешь, что раз я живу в известном круге, я должна сообразоваться с понятиями этого круга и в них же воспитывать своих детей. Мой круг не аристократия, а средний кружок педагогов, чиновников и людей, живущих своим трудом. Такими же людьми будут мои дети, таким человеком среднего круга есть и я сама <так!> и желаю им быть. Поэтому друзья мои все принадлежат этому кругу и между ними лучшие люди, на которых все, кто знает их, смотрят с уважением и с любовью, — эти лучшие люди все отнеслись ко мне дружески и отвернулись от моего мужа. Из всего этого, конечно, ты поймешь, что мне необходимо воспитывать детей в понятиях и принципах того общества, среди которого я живу. Вот почему я не сближаю детей своих с детьми Саши и сама не спрашиваю советов у тех, кто не жил в одном обществе со мною и мужем моим” (РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 2. Л. 12—12об.).

33 РГБ. Ф. 109. Карт. 21. Ед. хр. 4. Л. 2об.—3 об. Письмо от 22 сентября /4 октября 1893.

34 РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 47. Л. 24. Александр Андреевич Будберг (1853—1914; встречаются и другие даты рождения) — барон, статс-секретарь, сенатор, главноуправляющий Канцелярией прошений на Высочайшее имя.

- 35 Там же. Л. 26об.—27 об.
- 36 РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 2. Л. 11—11об. Письмо от 12/24 октября.
- 37 Там же. Л. 22об. Письмо от 2 января 1894.
- 38 РГБ. Ф. 109. Карт. 21. Ед. хр. 29. Л. 51об—53.
- 39 Там же. Л. 55об.—56об.
- 40 РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 2. Л. 33—35.
- 41 См.: История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова. М., 2006. С. 316. Ср. также с. 371.
- 42 РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 41. Л. 23.
- 43 Об истории отношения Гревса к этим обстоятельствам подробнее см.: История и поэзия... С. 370—382.
- 44 Цитируем по подготовленному нами совместно с М. Вахтелем и Д. Солодкой тексту книги, содержащей переписку Иванова и Зиновьевой-Аннибал.
- 45 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 298. Ед. хр. 281.
- 46 РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 2. Л. 26—27об.
- 47 РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 41. Л. 27—27об.
- 48 ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 336. Л. 3 и об. Текст обрывается на полуслове. А. В. Тулинов, как можно понять из разных упоминаний, ее сосед по имению, приятель Шварсалона, которого Л. Д. звала в свидетели со своей стороны. Хранящие в московской части архива Иванова письма, обозначенные обработчиками архива как письма Л. Д. к Головину (РГБ. Ф. 109. Карт. 22. Ед. хр. 27), явно адресованы не ему.
- 49 Там же. Л. 1—2об.
- 50 Письмо к А. В. Гольштейн от 3/15 июля 1898 // Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн / Публ., вст. ст. и комм. М. Вахтеля и О. А. Кузнецовой // *Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1996. Vol. 41. С. 343.
- 51 РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 41. Л. 33—34. Письмо от 5 сентября 1896.
- 52 ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 337. Л. 1об.—2об. Письмо от 7/19 октября 1897.

53 РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 3. Л. 15—16об. Письмо от 14/26 октября.

54 Там же. Л. 22—23об. Частично и с неточностями было опубликовано: Кружков Григорий. Ностальгия обелисков: Литературные мечтания. [М., 2001]. С. 236.

55 РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 3. Л. 65об.

56 РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 49. Уговаривала детей встретиться с отцом и его вторая жена Мария Дмитриевна (см. ее письма к С. К. Шварсалону и к М. М. Замятниной: РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 50 и 51).

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/1/bo14.html>